

явленіи г. Чичерина, вызванномъ полемикою о его застольной рѣчи, —это—учрежденія, дарованныя императоромъ Александромъ II, а кто ихъ враги—всѣ мы знаемъ; это тѣ, которые ежедневно и неустанно изливаютъ свою злобу на все, что вызвано къ жизни Царемъ-Освободителемъ и что дорого русскому человѣку: на независимый судъ, на земскія учрежденія, на городовое положеніе*. Поднимая брошенную имъ перчатку, „Московскія Вѣдомости“ зачисляють г. Чичерина въ ряды „либеральныхъ охранителей“, лжецовъ, агитаторовъ противъ всякаго патріотическаго и полезнаго дѣла; „пора“, восклицаютъ онѣ, „положить конецъ грубому и безсовѣстному злоупотребленію именемъ покойнаго Монарха!...“ „Развѣ покойный Государь,—читаемъ мы въ той же статьѣ,—своею судебною реформой имѣлъ въ виду создать какое-то *свободное учрежденіе*, а не просто-на-просто обезпечить правосудіе? Всякое учрежденіе свободно въ сферѣ своей компетенціи и своихъ обязанностей. Въ какомъ же смыслѣ дается судамъ этотъ титулъ? Развѣ въ томъ, что они должны быть свободны отъ закона и подлежать безответственному произволу господъ правовѣдовъ?... Читъть память законодателя, значить чтить не букву, а духъ его законовъ“. Въ послѣднихъ словахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ заключается приговоръ не ихъ противникамъ, а имъ самимъ. Учрежденія, связанныя съ именемъ Александра II, представляются *свободными* именно не по буквѣ своей, а по духу. Свободными учрежденіями могутъ быть названы не только тѣ, которыя прямо обезпечиваютъ пользованіе политической свободой, но и тѣ, которыя воспитываютъ народъ для свободы, дѣлають его къ ней способнымъ. Непосредственною цѣлью судебной реформы конечно было обезпеченіе правосудія; но достигая этой цѣли, она устраняла одно изъ главныхъ препятствій къ общему развитію народа. Зависимость судей, нравственная ихъ распушенность, всеобщее къ нимъ недовѣріе, выразившееся въ извѣстной формулѣ: „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не тянись“—все это устраняло возможность здороваго роста націи, развращало однихъ, угнетало другихъ; поддерживаемые всеобщою безправностью, старые суды въ свою очередь служили непослѣднюю ея поддержкой. Уѣздный судъ прежняго устройства былъ, можетъ быть, „свободенъ въ сферѣ своей компетенціи и своихъ обязанностей“ (хотя въ сущности этого о немъ сказать нельзя, въ виду отношеній къ нему губернатора и губернскаго правленія); но это была во всякомъ случаѣ „свобода“ особаго сорта, похожая на ту свободу повиноваться и молчать, которую такъ великодушно октроируетъ русскимъ гражданамъ органъ г. Каткова. Консерваторы стараго закала были послѣдовательнѣе—или искреннѣе,—чѣмъ совре-